

ЭССЕ

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ПЕРЕВОРОТЫ В СТРУКТУРЕ
АКТИВНОСТИ ПРАВЯЩЕГО КЛАССА.
ЗАБЛУЖДЕНИЯ ОЧЕВИДЦА

А.И. Соловьев

solovyev@spa.msu.ru

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия

Цитирование: Соловьев А.И. Государственные перевороты в структуре активности правящего класса. Заблуждения очевидца // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 202–215.

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.8>

Аннотация. *Рассматриваются основные причины и факторы, стимулирующие различных представителей правящих кругов использовать в условиях нарастающего кризиса и неопределенности будущих общественных трансформаций механизмы и инструменты государственного переворота. Раскрывается ключевая роль неформальных коалиций правящего класса в инициации этих форм изменения власти. Одновременно отмечаются эпистемологические трудности в идентификации понятия «государственный переворот», его способность протекать в латентных формах на основе использования публичных инструментов и информационного прикрытия.*

Ключевые слова: *власть, государство, политические элиты, неформальные сетевые коалиции, государственный переворот.*

Всем мало-мальски интересующимся политическими проблемами хорошо известно, что под публичными акциями и интеракциями скрывается громадный массив тайных переговоров, союзов и острых столкновений конкурентов — легальных и криминальных участников в борьбе за власть. О некоторых результатах этих латентных коммуникаций

мир рано или поздно узнает, о некоторых, видимо, не узнает никогда. При этом публичные и латентные процессы связаны весьма причудливым образом, подчас слабо поддающимся рациональным формам рефлексии.

Скрытый от людей пласт таинственных политических коммуникаций всегда оставлял пространство для различных конспирологических и кратологических теорий. Впрочем, и те, кто не относит себя к этой категории мыслителей, тоже вряд ли способен внятно объяснить все каверзы тайной дипломатии, неожиданных политических сделок или их обрушения. (Вспомним, что в июле 2021 г. еще до захвата власти талибами с их делегацией официально переговаривались чиновники МИДа, хотя их движение и тогда, и сегодня считается экстремистским и запрещено в РФ. При этом с внутренней несистемной оппозицией, также пребывающей в этом статусе, переговоры категорически отрицались.)

Впрочем, основной части населения не особенно нужно разбираться в этих хитросплетениях, ибо у них своя траектория жизни и крупные последствия принимаемых, в том числе скрытым образом, наверху решений воспринимается людьми как телодвижения природы, к которым надо приспособливаться, не помышляя о причинах свершившегося. Одним словом, публичная политика — это всего лишь верхушка айсберга, а информация о происходящих в подводной части процессах чаще всего защищается, скрывается и искажается, дабы важным игрокам не утратить свои позиции и активы.

Не менее очевиден и тот факт, что главным сценаристом и одновременно исполнителем всех запутанных схем властной конкуренции и масштабного проектирования является правящее меньшинство. То есть те нетипичные социальные группировки, которые контролируют публичные институты и механизмы принятия основных политических решений. Конечно, прежде всего на государственном уровне. В этом смысле даже развитые демократические формы организации власти всего лишь меняют форму проявления элитарного доминирования.

Думается, время уже разубедило сторонников всемогущества коллективного актора, политического лидерства масс, нацеленных на неуклонное воплощение своего суверенитета и уверенно выстраивающих демократические конструкции политических систем, основанных на участии элитарных и неэлитарных слоев. Если такие идеи и были оправданы, то, видимо, применительно лишь к каким-то особым,

а не типичным стадиям общественного развития. В повседневной же действительности позиции и приоритеты правящих кругов вряд ли у кого вызывают сомнения. И хотя многие ученые до сих пор рассматривают в виде источников изменений крупные социально-экономические, информационные и иных общественные конфликты, нельзя не видеть, что характер интерпретации этих противоречий, а равно выбор времени, места и способов их урегулирования интерпретируется именно правящими кругами. Которые, кстати, нередко просто имитируют решение той или иной общественной задачи.

Одним словом, история однозначно засвидетельствовала наличие у элитарных слоев значительно превосходящих общество компетенций (по части управления общественными процессами) и возможностей реализации собственных интересов, в том числе вне контроля со стороны общества. И даже в условиях цифровизации государственного управления ситуация коренным образом не меняется. Так что внутри элитарные конфликты, непосредственно касающиеся положения различных кругов правящего класса, обладают куда более мощным источником общественных преобразований, нежели общественно значимые проблемы. И это тем более так, поскольку сегодня электоральные и иные механизмы представительства гражданских интересов, призванные стимулировать ответственность элиты перед населением, неуклонно снижают свою эффективность. Даже многоликие формы краудсорсинга, предполагающие использование властями гражданского интеллекта и энергетического ресурса населения, в конечном счете контролируются элитами.

Одним словом, наблюдая за внутриэлитарными коммуникациями в сфере власти, можно каким-то образом понять грядущие тренды развития общества. Однако в сфере этих отношений один из постоянно используемых элитами инструментов завоевания преимуществ начинает активно изменять свои формы, откровенно мистифицируя наблюдателей. Речь идет о государственных переворотах как решающем козыре изменения господствующих позиций теми или иными сегментами правящего слоя. Этот механизм выхода из внутриэлитарного кризиса, ранее отчетливо проявлявший себя в виде дворцовых переворотов с кинематографическими сценами заколотых царей и императоров, мятежами вооруженных царедворцев, насилием зарубежных наемников и даже массовыми жертвами (как в печальных для Украины событиях зимы 2014 г.), на глазах меняет свои политические обличья.

С одной стороны, хорошо известно, что действия государства никогда не подчиняются какой-то единой логике, в основании чего в конечном счете всегда лежат узкогрупповые интересы различных слоев правящего класса, осуществляющих разнообразные политические проекты в тех или иных областях, отраслях, на территориях и т.д. Эта объективная причина разногласий и внутренней диверсификации государственной машины особенно сильно проявляется на верхних этажах власти, озабоченных проблемами поддержания нужной координации и поиска зон, где можно без риска применять принудительные формы регулирования элитарных связей. Стоит прибавить к этой картине амбиции, тщеславие, ревность, зависть и иные человеческие эмоции (не говоря уже об этнических гранях такого соперничества), процветающих в кругах, допущенных до распределения крупных общественных благ и ресурсов, и мы получим картину неутрачивающих там разногласий, прорывающихся наружу в виде межведомственной конкуренции, конфликтов политических тяжеловесов и противоборства деловых партнеров.

В этом смысле постсоветская история до предела наполнена примерами острейших граней внутриэлитарного соревнования: взлет и падение ГКЧП, фронда высших военачальников против Ельцина, семибанкирщина, полное переформатирование олигархических конструкций и зачистка информационного пространства в начале 2000-х, трудное умиротворение региональных лидеров и т.д. И каждый из этих сюжетов был беременен радикальной сменой правящего режима, как в легальной, так и илlegalной форме (в этой связи можно вспомнить хотя бы армейских заговорщиков генерала Л.Я. Рохлина).

Однако у «лихих 90-х» эстафету приняли нынешние реалии с их катастрофическим социально-экономическим расслоением и образованием достаточно узкой группы «форбс». По мнению В. Иноземцева, сегодня уже сформировалось новое российское дворянство, насчитывающее приблизительно 250 тыс. миллионеров (включая чиновников, силовиков и бизнесменов с близкими родственниками) и 150 тыс. служителей культа [Иноземцев 2021]. Применительно к нашему вопросу дело, конечно, не в констатации социальных разломов, а в том, что основные внутриэлитарные конфликты спроецировались на очень узкую группу населения. И поскольку в этом сообществе львиную долю занимают чиновники и выборные политики, получающие доходы от «служения государству», то борьба за ресурсы означает одновременно

и борьбу за позиции во власти (где сохранение источников сверхдоходов зависит от типа — отраслевого, регионального, ведомственного — доминирования).

И здесь самое время напомнить о наиболее существенном факторе, трансформирующем систему государственной власти и управления. Речь идет о непрерывном влиянии на публичные институты неформальных коалиций правящего класса, которые формально находятся за рамками официальных структур. Но это те игроки, чьи попытки колонизации институционального дизайна превращают их (вместе с аффилированными чиновниками и политиками) в основного регулятора распределения общественных ресурсов. По сути, это источник самостоятельной логики самодвижения власти, независимый от населения и неподконтрольный правовым установлениям государства. Помимо создания широчайшего круга субститутов, наиболее важным «достижением» сетевого давления является фактический раскол правящего класса на тех, кто реально «правит», и тех, кто общается с населением по поводу правления. Про первый сегмент правящей элиты можно с уверенностью сказать, что это те лица, которые демонстрируют такой стиль правления, при котором власть не управляет обществом, а игнорирует его запросы, занимаясь перераспределением благ в своих интересах (С. Холмс).

В то же время во втором сегменте находятся чиновники, политики и депутаты, которые прикрывают этих латентных игроков (тех, от кого зависят их позиции и благосостояние, а временами и свобода). Это, условно говоря, одноразовая элита, набираемая для представительских функций и временного исполнения формальных обязанностей или, говоря точнее, олицетворения «народной власти» и «ответственности элит перед народом», но чей состав (даже среди депутатов от партий системной оппозиции) регулируется из одного политического центра. В этом смысле весьма показательным является постоянное и достаточно масштабное обновление от выборов к выборам депутатского корпуса правящей партии (причем, в список кандидатов в Государственную Думу в 2021 г. не попал даже формальный лидер партии, но куда, как обычно вошел широкий круг узнаваемых населением селебрити).

Короче говоря, в правящих кругах всегда существует имитационный сегмент правящего класса, те, кто включен в «ядро» временщиков. Этот промежуточный слой — результат баланса сил, складывающихся между ключевыми политическими игроками. В качестве эксперимента

«рьяных» сторонников «правящей партии» тестируют и проверяют на прочность служения и преданности власть предержащим. Показательно, что среди них находятся и «народные избранники» из «оппозиционных» партий или, другими словами, надежные договороспособные депутаты из других политических сословий, которых рука не поднимается назвать оппозиционными, но которые «правильно понимают» «линию партии» и всегда поддерживают принципиальные решения властей. Впрочем, для придания этим конструкциям большей достоверности в этот круг включают и немного критиков, которые, впрочем, всегда обладают вполне маргинальными возможностями.

На этом официальном фоне нерегулируемая конкуренция правящих сетевых коалиций, определяющих для государственной политики бенефициаров и непривилегированные группы общества, в еще большей степени усиливает конфликтный характер внутри элитарных отношений. Причем основным источником конфликтов в правящем классе становится сокращение ресурсов и дефицит активов у этих неформальных ассоциаций. Что по понятным причинам неизбежно влияет на изменение отношений и обострение противоречий всех, в том числе доминирующих и даже монопольных, элитарных группировок. Сегодня, к примеру, мы можем видеть, как на протяжении последних лет в стране активно проявляется синдром «трех китов»¹, демонстрирующий противоборство различных силовых (и не только) ведомств, поочередно арестовывающих «коррупционеров» в рядах своих конкурентов — генералов-взяточников, сенаторов, аффилированных бизнесменов, таможенников и иных чиновников и т.д.

Пока у высшей власти хватает влияния и ресурсов, чтобы императивным способом, за счет административного арбитража сохранять достигнутый баланс сил (можно посчитать, скольких высоко статусных представителей силового блока, чиновников или губернаторов президент ежегодно отправляет в отставку). Однако сегодня в эти процессы вмешиваются весьма чувствительные для правящей элиты факторы: западные (персональные) санкции, трансформация экономической системы и механизмов управления (в рамках которых накапливались

¹ «Три кита» — мебельная фирма, занимавшаяся в начале нулевых масштабной контрабандой мебели и, будучи аффилированной с различными силовыми институтами, спровоцировала крупные (связанные с арестами и преследованиями) конфликты в правящей элите.

ресурсы), а также информатизация экономики и управления государством (порождающая дополнительные риски осуществления многих проектов). И все эти новые процессы так или иначе отражаются на характере «административного бизнеса» и ведут к новой конфигурации власти и обострению внутриэлитарной борьбы. А это неизбежно создает риски личной безопасности для вовлеченных в эти процессы групп и фигур или сохранения выгодных им механизмов элитарного рекрутинга. Но основные угрозы здесь исходят, как можно понять, не от населения, а от своих же «собратьев по оружию».

Ситуация обостряется, проявляясь даже в высшем эшелоне власти. Одни только маневры с принятием в Думе самых важных для действующего режима конституционных поправок, свидетельствуют о том, что не все уж так стабильно в «датском королевстве».

Согласимся, что все эти новации выводят внутриэлитарные группировки на новый уровень стратегического мышления. Как в этой ситуации быть и что делать?

Универсальным ответом на такие вопросы является разве что неугасимая решимость всех представителей правящего меньшинства уменьшить свою зависимость от населения, одновременно повысив свое позиционирование в системе власти (в силу чего все переустройства общества уместнее рассматриваться как побочное, а подчас даже непредумышленное следствие этих партикулярно-корпоративных замыслов). Не требует доказательств и то, что методы конкуренции и состязательности различных слоев внутри правящего слоя весьма различны, а в настоящее время стали еще и существенно зависеть от активности глобальных игроков и их включения в отношения национальных элит. Другими словами, качественная переконфигурация национальных элит неизбежно несет на себе отпечаток интересов крупных международных игроков.

Представляется, что острота кризисных событий и увеличение неопределенности будущего отнюдь не исключают и обращения к инструментам радикальных трансформаций внутри правящего слоя.

Что же такое госпереворот? Однозначно можно утверждать, что это неконвенциональная форма репозиционирования высших слоев в правящем классе, или, другими словами, особая, выходящая за рамки элитарного консенсуса микрополитическая конструкция, возникающая в результате острого внутриэлитного кризиса. Очевидно и то, что она редко, слабо и неоднозначно коррелирует с общей рамкой социально-

политических процессов, создающей лишь внешний, порядком удаленный от этих событий исторический фон. Как показывает опыт, активность и недовольство коллективного актора используются только в некоторых случаях и могут рассматриваться лишь как один из возможных поводов в пользу начала действий.

Конечно, сугубо аналитически можно предположить, что источники таких кардинальных акций в решающей степени инициируются теми кругами, которые сталкиваются с резким уменьшением получаемых общественных благ и ресурсов. К провоцирующим такие действия факторам можно также отнести еще и качественное снижение безопасности определенных сегментов правящей элиты, ослабление влияния находящихся у власти лидеров, амбиции политиков (усматривающих в том или ином временном периоде новые возможности для обретения дополнительных активов), получение той или иной группой неожиданных предпочтений для усиления своих позиций, открывающих «окно возможностей», позволяющих им «замахнуться» на высшие позиции государственной власти. Ну и, конечно, нельзя сбрасывать со счетов давление сильных зарубежных игроков, заинтересованных в переконфигурации правящих кругов и даже принципов организации власти в том или ином национальном государстве. Недавний опыт Украины и Грузии — хорошее тому доказательство.

Учитывая неконтролируемые конфликты между неформальными коалициями, толкающими публичные институты к образованию клановой архитектуры управления, можно с уверенностью утверждать, что весьма наивно рассматривать государственные перевороты в рамках право-левого идейно-политического спектра. Однако сомнительно признавать в качестве решающего источника лишь персональные тяготения чиновников и политиков к походу на высшие этажи власти. Хотя кроме высокой мотивации элитарных фигур и группировок в обретении дополнительных официальных статусов, позволяющих в большей степени ставить механизмы и интересы государства под своей контроль, собственно, и предложить-то больше нечего. Хотелось бы, конечно, сказать и про снижение политической эффективности представительных механизмов, усиление контроля правящего режима над выборами, а также об иных инструментах ограничения прав населения, но тут же понимаешь, что это тот «политический фарш», который можно и не подавать на стол... И опять в сухом остатке остается лишь резкое воспламенение амбиций, ревности и тщеславия лидеров, порождающих

кумулятивный эффект власти, не считающийся с любыми институционально-правовыми ограничениями, тем более с последствиями для населения.

Учитывая все возрастающую роль латентных сетей, можно сказать, что госперевороты, в решающей степени инициируются именно этими стоящими за кулисами публичности «встроенными автономиями» (порождающими подкрепляющие их активность механизмы ротации и кооптации посланцев кланов, клиентел, парантел и даже устранение особо опасных конкурентов через посадки, физическое давление и др.).

Однако, даже признавая приоритет сетевых сообществ, оказывается весьма трудно отрефлексировать устойчивые причины «переворотных» процессов, идентифицировать практические формы этих пертурбаций, которые внешне могут происходить под личиной вполне легального транзита власти, ротации высших топ-менеджеров или иных акций, не имеющих явных опознавательных знаков «переворота» как для населения, так и наблюдателей, использующих аналитические инструменты. Одним словом, многие явные и на первый взгляд не слишком значимые явления и процессы на деле могут оказаться показателями осуществленного переворота, скрывающегося под сугубо формальными процедурами или приличествующими объяснениями официальных пропагандистов о принятых «судьбоносных решениях». При этом не исключено, что о свершившемся госперевороте можно не узнать и вовсе. По крайней мере во временном горизонте, соотнесенном с жизнью ныне живущих поколений, для которых такие события обладают исключительно важным значением.

Так что, даже признавая роль латентных структур, все равно остается вопрос: по каким маркерам можно обнаружить кризис в высших эшелонах власти, провоцирующий обращение элитарных игроков к инструментам государственного переворота, и по каким изменениям (в кадровом составе, трансформации политического курса или иным параметрам) можно идентифицировать его осуществление? Ведь даже используя специализированные методы (метод графов и др.), помогающие идентифицировать состав сетевых сообществ (конкурирующих элитарных группировок), вряд ли удастся понять, решатся ли они пересечь «красную линию», отделяющую их прежнюю жизнь от последствий госпереворота.

Другими словами, критерием госпереворотов можно полагать и ползучие, незаметные для общества формы вытравливания характерных

для правящего режима типичных отношений с обществом, гарантированных Конституцией и системой права. Естественно, с применением вполне легальных технологий отправления власти.

Вспомним, к примеру, печальной памяти историю ГКЧП. По свидетельству некоторых участников тех событий, этот орган был создан задолго до отъезда Горбачева в Форос, а его цели и активность в деле «смещения Горбачева» были хорошо известны «попавшему в заточение» президенту СССР. И до сих пор существуют равновеликие версии: либо «пленение» президента на крымской даче было операцией прикрытия «путчистов»-неудачников, либо это было хорошо разыгранным сценарием избавления от мешавших Михаилу Сергеевичу конкурентов. Впрочем, есть еще более убедительная картина версии латентных госпереворотов, связанных с деятельностью Горбачева. Такие же участники событий того времени вспоминают, как его прогулки на Ближней даче с академиком Н.А. Яковлевым, по сути, подготовили качественные трансформации советского строя, оформленные, впрочем, вполне легально в виде решений Политбюро и ЦК партии советских коммунистов.

Так что, даже если удастся зафиксировать некие трансформации отдельных, даже высших, институтов власти под влиянием сетевых коалиций (в виде нарастания нетипичных прецедентов в деятельности институтов государственного управления, учащения действий властей, слабо опирающихся на нормы закона, кадровых перестановок в интересах сторонних игроков, изменения характера межведомственных переговоров и коммуникаций, а также некоторых иных аналогичных фактов), то и тогда остается неясным, могут ли они свидетельствовать о начале столь качественных процессов. И даже смена первых лиц может не говорить о таких трансформациях в правящих кругах. И это мы еще не учитываем способности проправительственных массмедиа насыщать общественный дискурс информацией, которая в еще большей степени маскирует происходящие процессы.

Не добавляет ясности и оценка изменений правительственного курса (вроде бы всегда являющаяся следствием властных трансформаций). Конечно, и здесь любые изменения можно объяснить текущими или стратегическими обстоятельствами. Но можно развернуть вопрос иначе, обратившись к оценке происходящих событий со стороны населения. К примеру, нынешнее усиление административно-политического контроля общественно-политической активности граждан

для многих уже становится символом растянутого во времени перехода к новой системе власти. Так, И. Петровская, реагируя на информацию о грядущей ликвидации общества «Мемориал», так прямо и высказалась, назвав это событие «абсолютным символом поворота вспять», который «сродни государственному перевороту» [Петровская 2021].

Такие интерпретации госпереворотов неизбежно усиливают эмоциональную составляющую рефлексии по этому поводу. Куда как комфортнее чувствуют себя конспирологи и «специалисты», допущенные к тайнам полусвета и без усталости тиражирующих вымышленные прогнозы (которые через какое-то время они сами же убедительно опровергают). Но слушая постоянные бла-бла-бла этих «обладающих конфиденциальной» информацией «аналитиков» (пророчествующих о неизлечимой болезни лидера, уже свершившемся переделе власти, борьбе кремлевских кланов или о проникновении во властные центры ставленников зарубежных спецслужб) понимаешь, что идентификация этих латентных политических процессов стремительно удаляется из академического дискурса. И чем выше у людей развиты аналитические способности (пытающиеся схватить логику отношений), тем больше умозрительных конструкций и тем чаще становится понимание того, что общая логика неформальных коммуникаций в элитарных слоях, неуклонно поощряет тщеславие, зависть, недоброжелательство, двуличие и иные социальные болезни, которые и стоит признать важными (сопутствующими или основными?) причинами «переворотных» процессов.

Возможно, такие соображения показывают, что элита — это не столько особая группа населения, сколько то социальное пространство, где концентрируются свойства политики в избегании любых ограничений в средствах достижения цели и что, в свою очередь, превращает людей в индивидов, нацеленных — опять же, без всяких моральных сдержек — на завоевание почестей и ресурсов, овладеть которыми можно лишь при условии доминирования, а еще лучше — властной монополии. И только конкуренция одержимых «властническим инстинктом», а также дефицит присущих ей ресурсов придают этим усилиям относительно благообразные формы.

И все же опыт показывает, что классические формы госпереворотов с заговорами членов монаршей семьи, участием зарубежных наемников, мятежей и прочих атрибутов, так ценимых писателями и кинематографистами, постепенно сходят на нет. Это неудивительно, ибо такие

варианты требуют большего использования ресурсов и сталкиваются с дополнительными рисками (не исключая инверсионные эффекты). И хотя сегодня могут осуществляться любые варианты госпереворотов, все же в большой политике, так же как в бизнесе (где деньги любят тишину), все больше тяготеют к скрытым формам межгрупповых разборок.

Элита и дальше будет использовать этот инструмент политических преобразований. Но при этом госперевороты чем дальше, тем больше будут превращаться в разновидность внутренних «королевских игр», в которых население не является даже зрителем. Да и крупные зарубежные игроки совсем не горят желанием выказывать свою роль в этих политических маневрах¹. Другими словами, благодаря действиям сетевых коалиций, взращивающих собственную архитектуру власти под личиной публичных институтов, госперевороты превращаются в форму невидимого обществу потрясения «устоев». Так что эти внутриэлитарные механизмы будут и дальше избавляться от массовых протестов и военных переворотов или же явных форм внешней интервенции, все больше тяготея к тихим «внутрисемейным» трансформациям.

С научной точки зрения здесь возникает по-настоящему сложная и, по сути, неразрешимая проблема эпистемологического свойства. И состоит она не только в трудностях соединения макротеоретической и микроприкладной моделей, но и в нарастающем увеличении критериев идентификации этого типа акций, тем более при отсутствии достоверных и своевременных сведений. Иначе говоря, на фоне усложнения самой материи элитарного правления и отношений правящих кругов с обществом происходит рутинизация даже таких качественных трансформаций власти, как госперевороты. Отрывочные сведения, догадки и поливариативное домысливание траекторий реальных событий вряд ли смогут создать объективную картину или избавить наблюдателей этих событий от заблуждений и конспирологических натяжек. Видимо, это та стена, через которую наука так и не сможет перебраться...

¹ В этой связи уместно вспомнить, что США с 1898 по 1994 г. осуществили 41 переворот только в странах Латинской Америки [Разуваев 2019: 43]. Впрочем, сегодня во многих странах перевороты осуществляются без уведомления США и иных важных международных игроков. Хотя их роль по-прежнему высока, но неоднозначна.

Однако на фоне таких рассуждений сама собой закрадывается мысль, что движение корабля российской политики зависит не от цен на нефть, экономических просчетов или имущественных разломов среди населения, типа политической системы, итогов выборов *et cetera*, а воспламеняющая власть энергетика коренится в неоощуаемой нами игре правящих сил, скрытых плотной информационной завесой.

Литература

Разуваев В.В. Государственные перевороты в политике. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 230 с.

Источники

Иноземцев В. План «крепостные» // Новая газета. 2021, 7 июля. URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/07/05/plan-krepostnye> (дата обращения: 8.07.2021).

Ирина Петровская: Надеюсь, что кому-нибудь где-то там хватит разума не допустить этой расправы (Передача «Человек из телевизора») // Эхо Москвы. 13.11.2021. URL: <https://echo.msk.ru/blog/partofair/2935532-echo/> (дата обращения: 14.11.2021).

COUPS D'ETAT IN THE STRUCTURE OF THE ACTIVITY OF THE RULING CLASS. THE ERRORS OF AN EYEWITNESS.

A.I. Solovyov

solovyev@spa.msu.ru
Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russia

Citation: Solovyov A.I. Gosudarstvennyye perevoroty v strukture aktivnosti pravayashchego klassa. Zabluzhdeniya ochevidtса [Coups d'état in the structure of the activity of the ruling class. The errors of an eyewitness]. *Vlast' i elity* [Power and Elites], 2021, 8 (2): 202–215. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2021.8.2.8>

Abstract. *The main reasons and factors that stimulate various representatives of the ruling circles to use the mechanisms and tools of the coup d'état in the conditions of the growing crisis and uncertainty of future social transformations*

are shown. The key role of informal coalitions of the ruling class in the initiation of these forms of power change is revealed. At the same time, epistemological difficulties are noted in identifying the concept of “coup d'état”, its ability to proceed in latent forms based on the use of public tools and information cover.

Keywords. *government, state, political elites, informal network coalitions, coup d'état*

References

Razuvayev V.V. *Gosudarstvennyye perevoroty v politike* [Coups in politics]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ [Center for Humanitarian Initiatives], 2019. 230 p.